

— Что случилось?

Ся Цин покачала головой, словно сама не понимала, зачем совершила этот поступок. Через мгновение она опустила взгляд, и густые, словно вороново крыло, ресницы скрыли выражение её глаз.

— Ручка протекла. У тебя не найдется еще одного бланка для экстренного отчета? Мой... теперь ни на что не годен.

— Я же говорила, что на борту лучше не пользоваться перьевыми ручками, вечно они текут. Но ты уперлась, захотела каллиграфию тренировать. Твой почерк и так как у первоклашки, что там еще спасать? К тому же, эта ручка выглядит так, будто ей сто лет в обед. Если не сменишь её, однажды зальешь чернилами форму — потом не отстираешь, — проворчала Линь Жуй, но всё же поставила принесенную аптечку на стол.

Она проворно выудила из папки в своей сумке свежий бланк. Протягивая его Ся Цин, Линь Жуй толкнула её локтем и возбужденно зашептала:

— Эй, когда ты уходила, этот господин Шэнь глаз с твоей спины не сводил. Как думаешь, может, он к тебе...

— Нет.

Не дожидаясь, пока Линь Жуй закончит, Ся Цин резко оборвала её. Поняв, что тон прозвучал слишком грубо, она смягчилась:

— У него там девушка сидит, не говори ерунды.

— Девушка? С чего ты взяла, что это именно девушка? Вдруг коллега или просто подруга?

— Малышка, которая недавно пришла на стажировку, сказала. К тому же, будь то коллега или подруга, вряд ли они стали бы вести себя так близко.

Линь Жуй поморщилась:

— Ладно-ладно, я просто пошутила. Ты не видела, как он смотрел тебе вслед — даже когда та дама, что была с ним, дважды его окликнула, он не сразу пришел в себя.

Ся Цин не хотелось продолжать этот разговор, но, не найдя предлога для отказа, она притворилась занятой. Сверяясь со временем и восстанавливая в памяти события, она быстро заполнила отчет — четко, ясно и со всеми примечаниями.

Только тогда Ся Цин взяла в руки протекающую ручку. Модель была старомодной, без изящества современных аналогов, от неё веяло духом прошлых лет. Жемчужно-белый корпус местами облупился, и ручка действительно выглядела так, как и сказала Линь Жуй — очень старой.

Ся Цин молчала, вглядываясь в предмет с ноткой ностальгии. Спустя мгновение она достала влажную салфетку и принялась тщательно протирать корпус, словно обращаясь с чем-то невероятно ценным.

Линь Жуй уже приготовила дезинфицирующие средства и хотела было дать еще пару наставлений, как вдруг занавеска в рабочем отсеке отодвинулась.

— Я могу войти? — Лицо Шэнь Сысина появилось в проеме. Его вид был вежливым и мягким, и хотя тон звучал как вопрос, в нем чувствовалась непреклонность.

Линь Жуй на секунду замерла, но тут же опомнилась, придержала занавеску и улыбнулась:

— Конечно! Я как раз подготовила всё необходимое и собиралась к вам идти.

Ся Цин отвернулась и всю дорогу смотрела в пол, игнорируя изучающий взгляд Шэнь Сысина. Она молча вытерла ручку насухо и прицепила её к карману на поясе. Когда она снова подняла голову, на её лице сияла участливая и радушная улыбка — точно такая же, какую она дарила любому другому пассажиру на борту.

Только вот эта улыбка... казалась донельзя фальшивой.

Шэнь Сысин задержал взгляд на лице Ся Цин, а затем перевел его на ручку у неё на поясе.

— Ничего, пусть будет здесь, — негромко сказал он. — Если она увидит, как мне обрабатывают рану, еще неизвестно, какой шум поднимет.

Все присутствующие поняли, что под словом она он имел в виду Тань На. Линь Жуй, пытаясь угадать их отношения, осторожно заметила:

— Она наверняка просто беспокоится о вас.

Шэнь Сысин хотел было что-то ответить, как почувствовал, что что-то коснулось его плеча. Обернувшись, он увидел Тань На, которая с любопытством заглядывала ему через плечо.

— Ты чего опять прибежала? — раздраженно бросил он.

Поняв, что её застали врасплох, девушка тут же изменилась в лице и обиженно воскликнула:

— Что за тон?! Все знают, что я волнуюсь, один ты называешь это шумом! Если бы я не переживала, зачем бы мне приходить? А теперь оказывается, что ты за моей спиной вот так обо мне отзываешься!

Тань На с детства привыкла, что её все балуют, что сделало её характер очень живым и открытым. К тому же, с самого старшего класса она училась за границей, поэтому её взгляды и манеры были довольно свободными. С двоюродным братом Шэнь Сысином она вела себя еще более фамильярно. Говоря это, она бесцеремонно положила руку ему на плечо, при этом украдкой поглядывая на Ся Цин.

Несмотря на свою прямолинейность, Тань На обладала поразительной интуицией.

Шэнь Сысин нахмурился. Даже при самых теплых отношениях он был человеком, помешанным на чистоте, и терпеть не мог, когда к нему прикасались. Он одарил Тань На предупреждающим взглядом, давая понять, что пора остановиться и отойти.

Получив сигнал, Тань На досадливо убрала руку и, сделав вид, что ничего не случилось, небрежно поправила волосы. Хотя Шэнь Сысин был старше её всего на четыре года и обычно казался безотказным добряком, который никогда не читал нотаций, она не знала почему, но стоило ему убрать улыбку и посмотреть на неё таким взглядом, как у неё по спине пробегал холодок.

Увидев, что Тань На уgomонилась, Шэнь Сысин перестал обращать на неё внимание. Ся Цин хранила полное молчание, лишь безмолвно подавая Линь Жуй ватные тампоны и бинты. В узком отсеке четверо стояли друг напротив друга, и атмосфера внезапно стала тяжелой и давящей.

Шэнь Сысин невольно снова перевел взгляд на Ся Цин. Его мысли были полны противоречий. Он помнил, что в последний раз они виделись два года назад, тоже в аэропорту. Накануне Ся Цин сказала, что летит в Пекин, но у стойки регистрации Шэнь Сысин ясно увидел на её билете пункт назначения — Гуанчжоу. И даже имя было вымышленным!

Когда он догнал её и потребовал объяснений, он ожидал увидеть на её лице растерянность или неловкость от того, что ложь раскрыта. Но ничего подобного не было. На том лице, которое всегда так легко улыбалось, он увидел холод, какого не встречал прежде.

Ни слова оправданий, ни единого взгляда в его сторону. Только равнодушная спина. А потом она исчезла, словно испарилась. Появление Ся Цин было подобно перышку: легко прилетело, легко улетело, не оставив и следа.

Шэнь Сысин был на голову выше Ся Цин. Глядя на неё сверху вниз, он видел, как её длинные волосы аккуратно и гладко убраны назад. В его памяти Ся Цин всегда была с пышными

волосами до пояса, и она вечно ворчала из-за торчащих волосков на макушке. Но теперь казалось, что даже если они торчат, Ся Цин способна уложить их волосок к волоску.

Его взгляд скользнул ниже. Ся Цин всё так же смотрела в пол, скрывая лицо. В вырезе строгой и изящной формы при каждом её движении едва заметно проступали ключицы. На белой, почти бледной коже кистей рук виднелись тонкие голубоватые вены, а на запястье красовались самые обычные серебряные часы. Они делали её запястье еще тоньше, а кончики пальцев, розоватые и блестящие в тусклом свете ламп, казались почти прозрачными.

<http://bllate.org/book/18689/1806075>